

Друзья – враги

когда я напишу «К ней», – Бунин и ещё многие другие люди **будут очень недовольны мною**, хотя я имён их не упомяну. Возможно даже, что они будут возражать мне, – ибо я **намерен наступить им, голубчикам, на хвостики...** <...>

Ах, Бунин! **И хочется, и колется, и эстетика болит, и логика не велит!** Скажите ваше решающее слово, друг мой добрый и умный». Против «Гайаваты» ничего не имею, но **рассказы – смущают**¹⁶. <...>

Находясь в поле зрения критиков с момента первых журнальных публикаций, Бунин тем не менее долгие годы оставался в тени «любимцев публики» – Горького, Скитальца, Юшкевича, Леонида Андреева.

Без сомнения, всё это омрачало настроения Бунина, приносило ему высочайшее самомнение. Более того, Бунин и Горький, при всех мировоззренческих шатаниях последнего, всегда стояли **на разных идеологических позициях**.

Горький с полным основанием считался «пролетарским писателем», в некоторые годы был крупнейшим спонсором большевистской фракции. Бунину было известно, что Горький тесно общался с Лениным, что Ленин дважды гостил у него на Капри, однажды более двух недель. Что Горький избирался делегатом с совещательным голосом на V съезд РСДРП в Лондоне, находился в прямой оппозиции к царскому режиму. В своей поэме в прозе «Песня о Буревестнике» прямо взывал «Пусть сильнее грянет буря!».

Зная обо всём этом, 22 марта 1916 года Бунин записал в дневнике: <...> А это идиотское деление народа на две части: в одной хищники, грабители, опричники, холопы, царские слуги, правительство и городские, люди без всякой чести и совести, а в другой – подлинный народ, мужики, «чистые, святые, богоносцы, труженики и молчаливники». Хвостов, Горемыкин, городской это не народ. Почему? А все эти начальники станций, телеграфисты, купцы, которые сейчас так безбожно грабят и разбойничают, что же это – тоже народ? Народ-то это одни мужики? Нет. Народ сам создаёт правительство, и нечего всё валить на самодержавие. Очевидно, это и есть самая лучшая форма правления для русского народа, недаром же она продержалась триста лет!¹⁷ Но, как ни в чём не бывало, **оставался в составе литературной группы Горького, Чехова, Андреева, Скитальца**. Почему?

А «ларчик просто открывался»: **корысть**. Горький произвёл переворот в гонорарной политике – издательство «Знание» выплачивало за ав-

торский лист в 40 тысяч знаков гонорар 300 рублей (в начале XX века **стопка водки стоила 3 копейки, буханка хлеба – 2 копейки, пуд муки – 30 копеек**).

Кроме высоких гонораров, Горький внедрил новую практику **ежемесячных авансов**, благодаря которым писатели словно оказались «в штате» и начали получать в издательстве **«зарботную плату»**, что было тогда в России **беспрецедентно**. «Знание» **ежемесячно авансировало Бунина**, Серафимовича, Скитальца, всего около 10 писателей.

Новацкая для российско-го книгоиздания стали гонорары от иностранных издательств и театров, которых добились «Знание» в отсутствие официальной конвенции об авторских правах – достигалось это путём пересылки зарубежным переводчикам и издателям литературных произведений ещё до первой публикации их в России.

С декабря 1905 года по инициативе Горького за рубежом было образовано специальное книгоиздательство для русских авторов, где Горький стал одним из учредителей. Материальное обеспечение писателей в горьковском издательстве «Знание» было прекрасным¹⁸.

Близость к Горькому – знаменитому писателю с мировым именем и неслыханная финансовая поддержка в виде «авансов», а также небывалые по величине гонорары – вот в чём заключался главный секрет «дружбы» Бунина с Горьким.

Кроме того, **система распространения литературной продукции была поставлена в «Знании» куда лучше**, нежели у «Скорпиона», что тут же сказало на продажах: «Том первый. Рассказы» выдержал три издания за три года (1902, 1903, 1904) – результат, о котором раньше Бунин не мог и мечтать.

Бунин писал в 1936 году: «Мы встречались в Петербурге, в Москве, в Нижнем, в Крыму, – были и дела у нас с ним: я сперва сотрудничал в его журнале «Новая Жизнь», потом стал издавать свои первые книги в его издательстве «Знание», участвовал в «Сборниках Знания». Его книги расходились чуть не в сотнях тысяч экземпляров, прочие, – больше всего из-за марки «Знания», – тоже не плохо. «Знание» сильно повысило писательские гонорары. Мы получали в «Сборниках Знания» кто по 300, кто по 400, а кто и по 500 рублей с листа, он – 1000 рублей»¹⁹.

Сотрудничество со «Знанием» оказалось **решающим событием в литературной биографии Бунина**: он стал регулярно печататься в «знаньевских» сборниках, имевших огромный успех у «демократи-

ческой общественности», и наконец-то пробился к «широкому читателю».

Но и Горький, вероятно, надеялся, что наступит момент, когда Бунин изменит свои идеологические ориентиры. Как пишут буниноведы, он «нередко сетовал на его политический индифферентизм и то и дело призывал отточить «талант свой, красивый, как матовое серебро», и ткнуть «им куда надо»²⁰.

Поэтому мне не кажется странным, что именно Горький сразу после выхода повести «Деревня» очень высоко, как никто другой, оценил её, назвал «тузовою вещью». В восторженном письме Бунину от 23 ноября 1910 г., ещё до того, как на Бунина накинута критика, он наговорил автору не только комплиментов, но и предсказал книге **нелёгкую судьбу**... «Конец «Деревни» я прочитал – с волнением и радостью за Вас, с великой радостью, ибо Вы написали первостатейную вещь, – писал Горький. – Это – несомненно для меня. <...> Не считайте моих речей о «Деревне» приподнятыми и преувеличенными, это не так. Я почти уверен, что московские и петербургские всех партий и окрасок Иваны Непомнящие и Незнающие, кои делают критические статьи для журналов, – не оценят «Деревни», не поймут ни существа, ни формы её. Угроза, скрытая в ней, тактически неприемлема как для левых, так и для правых, – угрозы этой никто не заметит.

Но я знаю, что когда пройдёт ошеломлённость и растерянность, когда мы излечимся от хамской распушенности – это должно быть или – мы пропали! – тогда серьёзные люди скажут: «Помимо первостепенной художественной ценности своей, «Деревня» Бунина была толчком, который заставил разбитое и расшатанное русское общество серьёзно задуматься не о мужике, не о народе, а над строгим вопросом – быть или не быть России? Мы ещё не думали о России, как о целом – это произведение указало нам необходимость мыслить именно обо всей стране, мыслить исторически»²¹.

Однако иногда мне кажется, что в своём отзыве о «Деревне» **Горький лукавил**. Он вдруг подумал, что Бунин всё-таки встал на «правильную дорогу», ибо чтобы так скверно написать о мужиках и бабах, кормивших твоих предков и тебя самого, надо отказаться от всех остатков дворянской чести.

Но этого не случилось. И тогда Горький решил «отозвать» свою похвальную рецензию о «Деревне» и «Русском народе», найдя для этого подходящий повод.

Н.А. Пушечников (племянник Бунина) записал в дневнике: «1912. 1 янв. До трёх часов пробыли у Горького. Встреча-

ли Новый год. И.А. читал свой рассказ «Весёлый двор» наверху, в кабинете Горького. Рассказ Горькому не понравился, он ходил (после окончания чтения) наискось по комнате, поплёвывал на пальцы и покручивал усы. Иногда говорил: «да, да...» Может быть, он был суров от непогоды, дует широко, а м. б., ему не по душе самая вещь. Когда И.А. кончил читать, он не стал говорить, а молчал, прохаживаясь по комнате, и как бы ждал, что скажут другие, которые ждали, что скажет именно он. Видя, что никто не говорит, он сказал:

– Гиблые места у вас, знаете ли... Люди у вас какие-то... **Это не русские люди**. Я не знаю Орловской губернии, я там не жил и не бывал, но это не только вы, другие то же говорят о средней черноземной полосе. Вот на Севере – посмотрите: там другое. **Сколько там замечательных людей было**. Я могу вам назвать их: Стефан Пермский извольте... фигура! Возьмите ещё: Трифон Верхотурский! А? Что? Нил Сорский....

– Что вы, Алексей Максимович. Уж чего-чего, а по части выдающихся людей мы не уступим никому... Уж вы нас не корите – (*полушутливо*). И мы не льком шить, и я смогу кой-кого назвать. И Киреевские, и Тургеневы, и Феты, и Тютчевы, и Полонские... да и Лев Николаевич не так уж далеко.

– Да, но там люди другие, они из народа вышли, из самых недр, ни от кого ничего не позаимствуясь... да и заимствовать-то было не у кого и нечего... **Идейное, народное движение обошло вас**. Это так. Факт-с. <...> А что до Голя, то его Киреевские, Тургеневы и Феты не интересовали. Таких явлений он не замечал. И людей он замечал только... А у Льва Николаевича совсем народа нет. Да-с, нет. Платон Каратаев для нас нетипичен. В русской истории, если хотите, есть другие герои»²².

В этот раз его отношения с Горьким были не столь тёплыми и доверительными; сам Бунин определил их как **«холодно-любезные и тяжко-дружеские»**.

...Первые слова статьи-эпитафии Бунина на смерть А.М. Горького в 1936 году звучат так: «Начало той странной дружбы, что соединяла нас с Горьким, – странной потому, что чуть ли не два десятилетия считались мы с ним большими друзьями, а в действительности ими не были... Тут случилось, что человек, с которым у меня за целых двадцать лет не было для вражды ни единого личного повода, вдруг оказался для меня врагом, долго вызывавшим во мне ужас, негодование. С течением времени чувства эти перегорели, он стал для меня как бы несуществующим».

10 июня 1951 года Бунин пометил в дневнике: «Я только что прочёл – впервые – «Мои университеты» Горького. Это нечто совершенно чудовищное – не преувеличиваю! – по лживости, хвастовству и по такой гадкой похабности, которой нет равной во всей русской литературе!»²³.

Хочу привести любопытные обоюдные характеристики двух великих писателей XX века, написанные почти одновременно.

В середине 20-х годов Горький написал о Буине на листке из блокнота:

«Талантливейший художник русский, прекрасный знаток души каждого слова, он – сухой, «недобрый» человек, людей любит умом, к себе до смешного бережлив. Цену себе знает, даже несколько преувеличивает себя в своих глазах, требовательно честолюбив, капризен в отношении к близким ему, умеет жестоко пользоваться ими.

Сколько интересного можно рассказать о нём!»

В свой черёд – и почти тогда же – Бунин отозвался о Горьком – куда как пространнее, – рассказав «немало интересного», но в форме, близкой памфлету, гротеску:

«О Горьком, как это ни удивительно, до сих пор никто не имеет точного представления. Сказочно вообще судьба этого человека. Вот уже целых сорок лет мировой славы, основанной на беспримерно счастливом для её носителя стечении не только политических, но и весьма многих других обстоятельств. Конечно, талант, но вот до сих пор не нашлось никого, кто бы сказал, наконец, о том, какого рода этот талант, создавший, например, такую вещь, как «Песня о соколе» – песня о том, как «высоко в горы вполз уж и лёг там», а затем, ничуть, не будучи смертоносным гадом, всё-таки ухитрился насмерть ужалить за что-то сокола, тоже почему-то очутившегося в горах» и т.д. и т.п.²⁴.

22 декабря 1952 года Г. Адамович отметил в письме М. Алданову: «Вчера был у Буниных. Иван Алексеевич – лучше, чем был осенью, и при мне сделал надпись на портрете Горького в какой-то книге: «Полотёр, вор, убийца»²⁵.

При всём художественном совершенстве бунинского портрета-шаржа, в объективности выигрывает всё-таки Горький».

...В июне 2017 года во французском городке Грассе, где почти тридцать три года прожил в эмиграции И.А. Бунин, российское правительство установило русскому классику памятник.

В том же месяце того же года на площадь у Белорусского вокзала, на прежнее место вернули памятник великому русскому писателю, драматургу и поэту А. М. Горькому. ■

16 Басинский П. Указ. соч. с. 226–232.

19 И.А. Бунин. Воспоминания. Книгоиздательство Возрождение – La Renaissance. 73, Avenue des Champs Elysées. Париж, 1950. С. 127.

20 «Печать и революция». 1928, № 5. С. 56.
21 Горький. ПСС. Т. 8. М., 2002. С. 196–197.

22 ОПЛМТ, ф. 14, № 7456/1 оф. л. 91–92. Цит. по И.А. Бунина. Письма 1905–1919 годов, с. 592.

23 И.А. Бунин. Pro et contra. 2001, с. 69.
24 «Из записей», Париж, 1927.
25 Октябрь, 1998, № 6, с. 157.

16 Горький. ПСС. Т. 2. М., 1997. С. 212. Цит. по: Устами Буниных, с. 913.
17 И.А. Бунин. Письма 1905–1919 годов, с. 754.